

ЕВРЕИ И ЛАТЫШИ ВО ВРЕМЯ ЗАВОЕВАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛАТВИИ (1918—1920 гг.)

Распад двух империй — кайзеровской Германии и царской России — был главной и решающей предпосылкой образования независимой Латвии; иначе Латвия и не только Латвия, но и намного большие государства, не смогли бы образоваться — маленький народ, к тому же такой, в котором отсутствовало массовое движение за независимость, не смог бы сокрушить империи (даже возрождение большой Польши произошло благодаря внешним факторам). Однако решающей предпосылкой, сделавшей это политической реальностью, была роль видных личностей, главным образом К. Ульманиса¹, их энергия, воля и судьбоносная решимость. На лихорадочной неделе перед 18 ноября 1918 г.² главной движущей силой стал твердый и решительный характер Ульманиса и готовность социал-демократов-меньшевиков поддержать его. В исторический, нервный и суматошный день 17 ноября — день, переполненный различными встречами, переговорами и консультациями, — самими важными стали долгие переговоры четырех политиков, подлинных основателей независимой Латвии, — Карла Ульманиса, Микелиса Валтера и двух социал-демократов-меньшевиков — Фрициса Мендера и Пауля Калниньша. Первый вопрос — кто будет руководителем первого правительства независимой Латвии — был решен быстро: социал-демократы ясно осознали, что этим человеком должен стать энергичный и в тот момент несомненно демократичный Ульманис, который, к удовлетворению социал-демократов, в 1917 г., после Февральской революции, хорошо сработался с комиссаром Лифляндской губернии социал-демократом д-ром Андреем Приедкалном³ как его заместитель и который выступал против совершенно неприемлемого для социал-демократов правого крыла крестьян, так называемых землевладельцев (*zemturi*), во главе с реакционером Андриевсом Ниедрой⁴. Второй вопрос, затянувший переговоры, был следующий: Ульманис во внутри- и внешнеполитических целях хотел привлечь социал-демократов к участию во Временном правительстве; социал-демократы не желали в нем участвовать под влиянием своих теоретических конструкций: рождается буржуазная Латвия, и социал-демократы «...как представители, организаторы и воспитатели рабочего класса, вначале должны сделать основной акцент на своих чисто классовых задачах и больше придерживаться оппозиции буржуазной политике...»⁵ Хотя по второму вопросу Ульманис своего не добился, соглашение с ним социал-демократов 17 ноября явилось решающим событием, открывшим путь к тому, чтобы на следующий день К. Ульманис, теперь уже как руководитель первого Временного правительства, провозгласил независимую Латвию благородными словами: «Все граждане без различия национальности призываются помочь, ибо в Латвии будут обеспечены права всех национальностей. Это будет демократическое, справедливое государство, где не может быть ни угнетения, ни несправедливости».

Отзывчивость национальных меньшинств на лозунг «народа Латвии» в тот момент была минимальной, но вряд ли меньшей, чем отзывчивость самих латышей на

все то, что было провозглашено 18 ноября. «Народ Латвии» существовал лишь как декларативная фраза, но даже реально существовавшее большинство латышского народа не прислушивалось к Ульманису, а смотрело на восток, ожидая Стучку⁶: «...широкие массы самого латышского народа после 18 ноября 1918 г. сами еще по-настоящему не верили в Латвийское государство...»⁷, — писал Ф. Мендер. Некоторые представители национальных меньшинств все же присоединились к Народному совету⁸ уже во время его второго заседания 2 декабря: это были пять прибалтийских немцев, в том числе Э. Розенберг и В. Шнейнер, которые засвидетельствуют свою лояльность независимой Латвии также на ее молодой дипломатической службе, и три еврея, все из левого крыла — двое из союзного с социал-демократами *Бунда (Аба Шерман и Арон Папирмейстер) и один из мелкой Еврейской рабочей партии (Самуил Хенкин); именно еврейские социал-демократы несколькими днями спустя предложили рассмотреть вопрос о «национально-персональной автономии» всех национальных меньшинств⁹. Ясно, что сами они по-настоящему не понимали, что бы могла означать такая автономия, и еще более ясно, что они представляли абсолютное меньшинство евреев — как потому, что другие еврейские партии только начинали создаваться (например, Еврейская народная партия, которая почти сложилась к началу декабря 1918 г., хотя и ее, как и другие политические группы не только национальных меньшинств, но и латышей, называть партиями можно было весьма условно), так и потому, что многие евреи под впечатлением неопределимо сложной ситуации в Латвии хотели пока выждать, но еще больше потому, что коммунистический режим П. Стучки, который без какого-либо сопротивления в начале 1919 г. захватил почти всю Латвию, не выступил с особой ненавистью именно против евреев, в противоположность патологической ненависти Стучки к прибалтийским немцам (еврейские буржуазные круги пострадали от «военного коммунизма» Стучки, некоторые предприниматели-евреи были даже расстреляны¹⁰, однако для коммунистического режима не был характерен общий антисемитизм; Бунд даже действовал почти свободно).

До самого конца 1919 г., в то время как в Литве и Эстонии вопрос об автономии национальных меньшинств стал актуальной составляющей политической жизни, автономия национальных меньшинств не была и не могла быть в центре внимания политической жизни Латвии в силу двух обстоятельств. Во-первых, в Латвии был очень сложным и запутанным вопрос политической власти, который достиг кульминации запутанности в мае—июне 1919 г., когда одновременно существовало даже целых три правительства и «правительства» — Ульманиса, Ниедры и Стучки. Во-вторых, вопрос об автономии по самым разным причинам не считали очень актуальным и сами меньшинства. Даже прибалтийские немцы (которые среди прочих национальных меньшинств были социально и политически наиболее однородными) или, во всяком случае, их очень значительная часть, были заняты вовсе не автономией в составе еще не существующей независимой Латвии, а сохранением своих привилегий и даже борьбой против самой независимой Латвии как таковой (правда, объединение прибалтийско-немецких учителей уже в начале 1919 г. поставило вопрос об автономии немецких школ, однако этот вопрос был совсем уж маргинальным в момент драматичных конфликтов за власть в Латвии). Если в борьбе против тирании Стучки прибалтийско-немецкие воины действительно были борцами и даже героями, то в борьбе против нарождавшейся независимости Латвии и демократии, уже не говоря об учиненной ими страшной бойне гражданского населения после изгнания коммунистов из Риги в мае 1919 г., они превратились в бандитов и

убийц. Возможно, что впервые идея об автономии национальных меньшинств в независимой Латвии — об автономии тех же прибалтийских немцев — родилась в какой-нибудь более реалистичной голове в Берлине, а не в Латвии: в марте 1919 г. барон Вильгельм Фиркс получил из Берлина очень обстоятельный — 22 параграфа — проект культурной автономии немцев в Латвии¹¹, который предусматривал примерно столь же широкую автономию, какую в середине 20-х гг. получили национальные меньшинства в Эстонии. Прибалтийские немцы в Латвии, по крайней мере те, за кем были реальное слово и военная сила, в то время, когда пришел проект из Берлина, все же планировали путч против Временного правительства Ульманиса, а не переговоры с ним об автономии; время консервативного прагматика Фиркса еще не пришло.

Евреи не планировали никаких путчей, но и об автономии помышляли лишь немногие из них. То, с чем евреи столкнулись уже летом 1919 г. на территории, которую постепенно стало контролировать Временное правительство Ульманиса, были первые рецидивы антисемитизма. 7 июля Парижской мирной конференции¹² достигло сообщение руководителя миссии США в Прибалтике подполковника У. Грина, в котором отмечался рост антисемитизма в Литве и Латвии¹³. Допустим, что Грин, представлявший самую недоброжелательную к Латвии и двум другим прибалтийским государствам страну — США, — был необъективен, однако необходимо отметить, что, хотя летом 1919 г. еще не было основания говорить о серьезном росте антисемитизма, обиды евреям уже действительно были нанесены. 23 июля 1919 г. министр внутренних дел Временного правительства Ульманиса Микелис Валтер писал министру обороны генералу Д. Симонсону: «В последнее время в Министерстве внутренних дел поступают сведения, что латвийские военные злонамеренно относятся к евреям как в прифронтовой полосе, так и в тылу, почему и прошу дать соответствующее распоряжение командному составу, чтобы в дальнейшем предотвратить подобное отношение военных, которое может вызвать нежелательные явления»¹⁴. Злонамеренное отношение проявилось главным образом в актах грабежа, однако самые тяжкие преступления совершены не были: ни один еврей не был убит, ни одна еврейская женщина не была изнасилована (осенью 1919 г., во время бермондтовщины¹⁵, к сожалению, некоторые солдаты изнасиловали прибалтийско-немецких женщин, за что позднее были осуждены военным судом). До января 1920 г., до освобождения Латгалии¹⁶, новых инцидентов не было. Следует отметить, что причиной антисемитских инцидентов лета 1919 г. могло быть что угодно, но только не представление, что евреи сотрудничали с террористическим коммунистическим режимом Стучки; подобные представления тогда никак не могли возникнуть, ибо ни одного еврея не только не было в правительстве Стучки — ни один еврей при его режиме, особенно в Курземе¹⁷, Видземе¹⁸ и Риге, не занимал даже второстепенной должности.

13 июля 1919 г. было создано второе руководимое К. Ульманисом Временное правительство, которое уже включало трех представителей национальных меньшинств — двух прибалтийских немцев и одного еврея — известного юриста и общественного деятеля Пауля Минца¹⁹ в качестве государственного контролера. Включение представителей национальных меньшинств в правительство никак не было связано с сознательной политикой Ульманиса в вопросе национальных меньшинств, которой еще не было и не могло быть, и еще меньше — с подготовкой автономии национальных меньшинств, которая все еще отсутствовала в повестке дня. Они были включены туда только под давлением стран Антанты, чтобы были выпол-

нены обещания, данные Ульманисом их дипломатам и военным. Однако именно в июле Народный совет впервые начал более серьезно обсуждать вопрос прав национальных меньшинств, главным образом языковых прав, получив требования представителей евреев придать еврейскому языку в Латгалии, в населенных пунктах, где количество евреев превышало 20 %, статус государственного языка *de facto*; ясно, что подобное требование было чрезмерным для национального Латвийского государства.

Одновременно необходимо отметить, что во второй половине 1919 г., особенно во время бермондтовщины, начала возрастать поддержка евреями правительства Ульманиса — возможно, еще не столько из-за такой уж твердой и широко распространенной лояльности к независимой Латвии, сколько из-за открытого антисемитизма и черносотенства Бермондта; примерно 1000 евреев уже воевали в рядах латвийской армии, а фанатично осуществляемый Стучкой в Латгалии голодный и террористический коммунизм вынудил несколько десятков евреев вступить в ряды вооруженных партизан-антикоммунистов. В самом конце года, 8 декабря, Народный совет принял закон об устройстве школ национальных меньшинств, обеспечив меньшинствам право создавать свое школьное управление, которым руководил бы представляющий национальное меньшинство чиновник, назначаемый после консультаций с депутатами от национальных меньшинств в латвийском парламенте; школьное управление обладало правом совещательного голоса на заседаниях Кабинета министров. Основное значение этого решения состояло в том, что национальные меньшинства были защищены от возможности того, что в условиях демократии — при власти большинства — большинство (основная национальность — латыши) принимало бы решения, ограничивающие права национальных меньшинств в вопросах культуры и образования. Несомненно, это решение способствовало постепенному росту лояльности национальных меньшинств к Латвии — так же как немногим позднее оно стало преддверием проявления активности национальных меньшинств — более всего прибалтийско-немецкого и еврейского — в достижении полной национально-культурной автономии, получить которую не удастся ни одному из национальных меньшинств, но от этой неудачи не пострадают права ни одного национального меньшинства, в том числе и евреев.

1920 г. начался общим наступлением латвийской и польской армий в Латгалии, чтобы освободить ее от оккупации Советами; 3 января коммунисты были изгнаны из Даугавпилса. Журналисты, прибывшие в освобожденный город из Риги, были шокированы: большой процветающий город, каким Даугавпилс был до мировой войны и в котором буквально бурлила еврейская общественная и культурная жизнь, который в 1914 г. восторженно приветствовал великого Шолом-Алейхема²⁰, теперь, после войны и большевистского правления, был подобен пустыне. «Все серо, грязно, пустынно...»²¹ В городе не хватало продуктов, в обращении были разные деньги, процветала дикая спекуляция. До 15 января город фактически находился под полной польской оккупацией: вся власть была только в руках командования польского гарнизона. Хотя еврейские погромы, в полном смысле этого слова, и не происходили, однако польские войска разграбили многие еврейские магазины. Евреи жаловались в Ригу, в Народный совет, который направил в Даугавпилс трех своих представителей — Л. Фишмана из Еврейской национально-демократической партии, социал-демократа Эмиля Скубикиса и Эдмунда Фрейвалдса из Латвийского крестьянского союза. В результате их визита в городе с 15 января появились также латышские патрули, а руководство польского гарнизона пообещало прекратить ог-

рабление евреев²². Обещания не были полностью выполнены не только по отношению к евреям, но и к другим жителям Латгалии; произвол польской армии продолжался: «Их политика и тактика ничем не отличалась от Бермондта... все документы, выданные латышским правительством, осмеивались, люди подвергались пыткам, и некоторые были заключены в тюрьму, а имущество конфисковано...»²³ — так описывал действия поляков в конце февраля начальник Латгальского округа Андрей Берзиньш. К счастью, польская армия вскоре покинула Латгалию.

10 января 1920 г. латвийская армия, продолжая освобождение Латгалии, заняла Варакляны. Жительница этого городка, большинство в котором составляли евреи, Фрида Михельсон в 1970-е гг. опубликовала в Израиле и США свои воспоминания, в которых посвятила несколько строк событиям 1920 г. (правда, она допустила небольшую ошибку, написав, что Варакляны были освобождены уже в 1919 г.). Это были очень мрачные строки: солдаты латвийской армии устроили в Вараклянах погром. Евреев убивали, женщин насиловали, дома разоряли²⁴. Ф. Михельсон родилась в 1907 г., значит, во время этих событий ей было почти тринадцать лет; можно предположить, что она хорошо помнила происходившее, но согласиться — во всяком случае, полностью — с написанным ею очень трудно. В то, что могли происходить грабежи, еще можно поверить — как мы увидим далее, это происходило и в других местах, но мало верится в убийства и изнасилования. Об этом нельзя найти сведений ни в прессе того времени, ни в документах армейского командования; трудно поверить, что такие тяжкие уголовные преступления можно было скрыть, если об инцидентах в Даугавпилсе, в которых не было и речи ни об убийствах, ни об изнасилованиях, были информированы даже члены Народного совета. Более того, если мы знаем, какой была реакция на события в Карсаве в ближайшем будущем.

Если обиды евреям и другим жителям Даугавпилса и его окрестностей наносила польская армия, то инцидент в другой части Латгалии — Карсаве, был результатом действий только латвийской армии. Карсава была взята 16 января после ожесточенных уличных боев: город защищал отряд коммунистов численностью 90 человек²⁵. Во время боев были убиты двое карсавских евреев — Моисей Удем и Арон Александрович. Их убийство получило широкий резонанс: карсавские евреи обратились не только к члену Народного совета Латвии раввину М. Дубину²⁶, но и даже к британскому и французскому военным представителям в Латвии — С. Таллентсу и Э. Дюпарке, которые тогда как раз находились на Латгальском фронте. Для правительства Ульманиса это было очень неприятно: еще не признанное на международном уровне, оно определенно желало избежать возникновения такого представления о Латвии, которое уже широко распространилось о Польше, — как об антисемитской стране, в которой армия нанесла многочисленные и грубые обиды евреям; незамедлительно было проведено расследование. Правительство констатировало, что упомянутые евреи принимали участие в военных действиях на стороне коммунистов и их гибель стала следствием военных действий и случайности, а не результатом заведомого антисемитизма латвийской армии. Однако расследование констатировало и кое-что еще: во время взятия Карсавы «произошли грабежи... по большей части пострадали все еврейские лавочки...»; грабежи осуществляли солдаты латвийской армии²⁷. Следует отметить — и это станет очевидным скоро, летом 1920 г., — что среди солдат были широко распространены не только предубеждения против евреев и мнения, что евреи являются гражданами низшего сорта, имущество которых — это по меньшей мере — можно грабить, но и даже враждебные настроения, которые выльются если не в погромы, то в грубое хулиганство — обя-

зательно. Это и стало подтверждением тому, насколько еще были далеки от реальности политические лозунги о «народе Латвии».

Тем не менее, не опережая события, отметим, что январские инциденты 1920 г. были сравнительно ограниченными и серьезно не повлияли на латышско-еврейские взаимоотношения. Просматривая уже тогда крупную ежедневную газету «Сегодня»²⁸ — она уделяла очень большое внимание жизни евреев в Латвии и других странах, — можно констатировать неподдельную радость по поводу освобождения Латгалии от коммунистов и возрождения еврейской общественной жизни (в конце января в Крустпилсе открылся клуб им. И. Л. Переца²⁹), а тревогу вызывали события не в Латвии, а в коммунистической России: оттуда приходят очень мрачные вести о массовой бойне евреев³⁰. Теперь, когда вся Латвия была свободна, впервые в истории еврейской общины появились «латвийские евреи» — с бывших различных территорий, из разных губерний, а ранее даже из разных стран, которым части Латвии принадлежали вплоть до конца XVIII в., — очень разные евреи, которые не становились менее разными, впервые обживая совершенно новое политическое пространство — независимую Латвию.

Весной 1920 г. в политической жизни Латвии доминировала предвыборная борьба в связи с выборами в Учредительное собрание³¹; хотя эта борьба была острой и даже драматичной — вряд ли на первых демократических выборах она могла быть иной, — никаких антисемитских инцидентов не произошло. Евреи встретили эти выборы политически и культурно расколотыми, как ни одно другое национальное меньшинство Латвии. Пять еврейских партий и групп получили представительство в Учредительном собрании, так же как прибалтийские немцы, которые тоже были представлены пятью мелкими партиями. Однако в отличие от немцев, в большой мере преодолевших раскол уже в 1922 г. на первых выборах в Сейм, евреи его так никогда и не преодолеют: ни одно другое национальное меньшинство не было разделено лингвистически, включая в себя евреев, говорящих на *идише, русском и немецком языках; группа *сионистски настроенных евреев ориентировалась на *иврит и желала обучать своих детей непременно на этом языке. В жизни ни одного другого национального меньшинства не было столь многочисленных проблем, самыми большими из которых были по крайней мере три: взаимоотношения евреев с новым Латвийским государством; взаимоотношения евреев с нееврейским обществом (**гоим*); острые разногласия среди самих евреев³². Однако, несмотря на большие внутренние противоречия, латвийским евреям удалось достичь — благодаря своей активности — заметных политических результатов, которых не добьется ни одна еврейская община в Восточной Европе: представительство евреев в Латвийском парламенте почти во все годы демократии соответствовало численности еврейского национального меньшинства в стране.

Учредительное собрание Латвии, избранное в апреле и собравшееся на первое заседание 1 мая 1920 г., приняло 27 мая Декларацию о Латвийском государстве, еще раз повторив провозглашенный еще 18 ноября 1918 г. благородный лозунг политической нации «Латвия — государство народа Латвии», что не сделало его более реалистичным и на этот раз: в конце концов лозунг опирался на представление, что латышский безземельный крестьянин, только что поддерживавший Стучку, и немецкий помещик, которого ждала весьма радикальная и не очень правовая аграрная реформа, образуют единый народ. Уже в мае этот толерантный лозунг «народа Латвии» подвергла сомнению и даже стала отвергать в тот момент еще идеологически влиятельная газета “*Latvijas Sargs*” («Страж Латвии»), которая под руководством

Аргура Кродерса в 1919 г. проделала большую патриотическую работу, укрепляя веру в независимую Латвию. Теперь она становилась уже слишком националистической, на первых порах направив критику против политически корректного рижского городского головы Андрея Фриденберга, обвинив его в чрезмерной благосклонности к национальным меньшинствам. Однако в целом латвийские политики в конце мая 1920 г. были абсолютно спокойны, не ожидая никаких антисемитских инцидентов, и даже горды тем, что Латвии удалось избежать судьбы других государств Восточной и Центральной Европы с большим еврейским населением, когда почти во всех этих странах произошли более или менее крупные погромы. То, что началось в Риге 1 июня, произошло, как гром среди ясного неба.

После девяти вечера 1 июня пьяные солдаты и люди в солдатской форме начали избивать евреев в Верманском парке: евреи «позволили себе» теплым летним вечером сидеть в парке на скамейках, которые захотели занять дебоширы; за короткое время действия толпы хулиганов переросли в довольно крупные беспорядки. Солдаты начали беспорядочную пальбу, после чего они вломились в ближайшие кинотеатры «Астория» и «Маска», где избili не только евреев; дальше путь дебоширов вел к «Café de Paris», в концерт-парк «Виктория» на Александровской улице и, наконец, «...с особенно радостными криками ура, погромщики штурмовали Бастионную горку. Подавляющее большинство избиений были легкого характера, но хватало и тяжелых побоев и даже ограблений...»³³ Чтобы утихомирить толпу — не менее 200 человек, власти использовали не только полицию, но и армейские подразделения; на рижских улицах появились даже бронеавтомобили; около двух ночи толпа дебоширов рассеялась.

2 июня обстановка в Риге была уже намного спокойнее, однако к вечеру беспорядки возобновились, хотя и в меньшем масштабе; был избит один еврей. Еще несколько дней рижские евреи были встревожены, некоторые владельцы магазинов и кинотеатров боялись их открывать³⁴. Действия министра внутренних дел Арведа Берга по восстановлению порядка в Риге были твердыми и решительными: «...такие бесчинства и беспорядки, напоминающие о самых темных сторонах российского царского режима, в свободной Латвии нетерпимы...»³⁵ К счастью, во время беспорядков ни один человек не погиб, и даже очень наблюдательная газета «Сегодня» воздержалась от того, чтобы обозначить эти беспорядки как еврейский погром, назвав их грубым хулиганством с признаками грабежа (отметим, что вплоть до нашего времени в литературе можно встретить довольно свободное употребление слова «погром», и сколько-нибудь общего представления о том, какие события действительно могут быть названы погромом³⁶, не существует)³⁷. Несмотря на то, что многие из задержанных дебоширов признались, что к беспорядкам их подстрекали, кто именно были эти подстрекатели, никогда не было раскрыто.

Тревога еще не улеглась, как хулиганские беспорядки, с еще более выраженным грабительским и несомненно антисемитским характером, охватили Резекне и Даугавпилс. 6 июня около четырех часов дня толпа начала грабить магазины и избивать евреев в Резекне; полиция открыла огонь из револьверов и на время рассеяла дебоширов. Около половины восьмого вечера они собрались снова, и теперь уже ясно звучали призывы «Бей жидов!»; более тридцати магазинов и квартир, принадлежавших евреям, были разграблены, и порядок удалось восстановить лишь с помощью армии, открыв предупредительный огонь из пулемета. Были арестованы 16 наиболее активных хулиганов, из которых только один оказался латышом; остальные были местные русские, включая даже женщин³⁸. В тот же день, 6 июня, толпа из око-

ло 40 человек начала грабить еврейские лавки и магазины также в Даугавпилсе, и так же, как и в Резекне, абсолютное большинство грабителей были латыши. На следующий день, 7 июня, с наступлением ночи толпа из 60 человек возобновила грабежи в Даугавпилсе, разграбив шесть магазинов, принадлежавших евреям. Так же как в Риге и Резекне, действия латвийских органов правопорядка были твердыми и решительными. 11 июня в Учредительном собрании А. Берг сообщил, что упомянутые события «...позорят Латвию и не будут терпимы...»³⁹

Хотя хулиганы в Латгалии и были утихомирены с помощью армии, однако сама армия, во всяком случае ее часть, становилась все более неукротимой. 8 августа 1920 г. начальник Латгальского округа А. Берзиньш просит А. Берга сделать все, что в его силах, чтобы войска скорее покинули бы Латгалию, где военные действия давно закончились; о положении в Даугавпилсе Берзиньш писал: «...не проходит и дня, чтобы солдаты в городе не учинили бы избиение и не совершили бы открытого грабежа евреев...» Характеризуя положение в Вентспилсском пехотном полку, он подчеркивал: «...мне кажется, что от избиений и грабежей евреев до всеобщих грабежей и окончательной утраты дисциплины остался только один шаг...»⁴⁰ Написанное А. Берзиньшем наводит на серьезные размышления: убийств евреев, к счастью, опять не произошло, однако то, что избиения и грабежи стали обыденным явлением, не было случайностью и могло вылиться в трагедию. Солдаты Вентспилсского полка прибыли в Латгалию, где скорее всего никто из них никогда раньше не бывал. Хотя Даугавпилс, как ни один другой город Латвии, очень тяжело пострадал от войн и смуты и численность евреев в нем по сравнению с 1913 г. уменьшилась в абсолютных цифрах в пять раз, их удельный вес среди населения города в 1920 г. все же был велик — 40 %⁴¹. Евреи тоже были «народом Латвии», но понять и принять это было трудно не только неукротимым солдатам. Мир, подписанный с Советской Россией 11 августа 1920 г., открыл путь к тому, чтобы убрать армию из Латгалии и положить конец грабежам; несравнимо труднее, чем вывести армию, было реализовать декларируемый принцип: «Латвия — государство народа Латвии».

События 1—2 июня в Риге положили начало первой серьезной дискуссии в латвийской прессе о латышско-еврейских взаимоотношениях в новой, независимой и демократической Латвии. Писатель Янис Гринс писал в газете *“Latvijas Kareivis”* («Латвийский солдат»), что еще несколько дней назад Латвия обоснованно гордилась тем, что в стране не обижали евреев; теперь же «...мы утратили это гордое право». Гринс считал, что происшедшее имело следующие причины. Во-первых, за время войны и беженских скитаний латыши больше сталкивались с повлиявшим на них русским антисемитизмом; во-вторых, смутное время конца 1918—1919 гг. способствовало падению морали в обществе; в-третьих, евреи сами способствовали стремительному росту негативного отношения к себе по двум причинам: они слишком увлеклись спекуляцией и уклоняются от службы в латвийской армии («...эти два явления распространены среди евреев в пять раз больше, чем среди других национальностей Латвии...»); в-четвертых, большое число евреев не знают латышского языка, а латышшей задевает употребление русского языка в условиях, когда еще не подписан мир с агрессором — Советской Россией; «...тогда лучше говорите по-белорусски, если не желаете на жаргоне (т. е. идише. — А. С.). Русское мы только терпим»⁴². Итак, запомним: спекуляция, уклонение от службы в армии, незнание латышского языка евреями; несколько ниже я прокомментирую это мнение, которое было очень широко распространено (в приглушенном виде оно чувствуется даже в опубликованном 3 июня «Пояснении» А. Берга о событиях 1—2 июня).

Рассмотрим мнение других газет и политических сил. Газета “*Sociāldemokrāts*” («Социал-демократ»), считая, что причиной происшедшего является духовная темнота, «...которая еще широко гнездится...» в обществе, все же подчеркнула и следующее: «...хотелось бы посоветовать еврейскому обществу искоренить эти вредные и вызывающие тенденции и явления, которые, к сожалению, исходят из его среды, из некоторых кругов, которые никак не хотят считаться со стремлениями нашего народа к самостоятельности и демократии...»⁴³ Упреки в адрес евреев были те же самые, особенно подчеркивались спекуляция и незнание латышского языка. Итак, спекуляция; здесь уместны четыре замечания.

Во-первых, спекуляция, черный рынок и другие безобразия в Латвии в 1920 г. были результатом развала хозяйства, а не еврейского «заговора». В 1913 г. численность евреев в Латвии была в два с половиной раза больше, чем в 1920 г., однако «еврей-спекулянт» не вызывал никаких беспорядков, потому что этот год был годом большого экономического подъема (последним, перед тем как царская Россия рухнет в бездну). В начале 20-х гг., уже через несколько лет после 1920 г., с возрождением экономики, исчезнет черный рынок, радикально уменьшится спекуляция и евреи не будут приравнивать к спекулянтам, хотя антисемиты тут же найдут в них и другие «недостатки».

Во-вторых, спекуляция — довольно нечеткое понятие, и ни только тогда оно включало в себя ошибочные представления, предрассудки, зависть к успешной хозяйственной деятельности, которая была совершенно легальной и позволяла наиболее ловким и отчаянным заработать быстро и много.

В-третьих, уже в конце 1919 — начале 1920 г. Временное правительство Ульманиса стремилось вмешаться в хозяйственную жизнь, увеличить государственную собственность, уменьшить роль национальных меньшинств в экономике под прикрытием необходимости борьбы со спекуляцией; «...члены Временного правительства смотрели на частного предпринимателя как на спекулянта. Предпринимателей подозревали во всех грехах...»⁴⁴, — писал немногим позднее известный еврейский экономист д-р В. Зив.

В-четвертых, в результате последствий мировой войны в социальной структуре евреев Латвии произошли очень неблагоприятные изменения, которые буквально заставили многих заняться мелкой торговлей, может быть, даже с привкусом спекуляции и разными другими случайными заработками, создавая представление (старые предрассудки) о евреях, которые занимаются «легким» трудом, особенно торговлей, под сильным впечатлением о «паразитизме» евреев. Даже в следующем 1921 г., когда в Латвии уже началось экономическое возрождение, 58,68 % рижских евреев назвали себя лицами «без определенных занятий»⁴⁵. Еще более существенно отметить, что тремя годами позднее, в 1924 г., когда хозяйственная активность в Латвии уже была ключом, вместе с ней менялась и социальная структура евреев, полностью отвергая представления о них как о неисправимых спекулянтах: в том году евреям уже принадлежало 1650 торговых и промышленных предприятий, которые своей деятельностью способствовали стремительному возрождению латвийской экономики.

Другим упреком евреям, как уже сказано, было их уклонение от военной службы. Этот упрек также нельзя принять, во всяком случае, полностью. Уклонение от военной службы в Латвии действительно было сравнительно широко распространено: в феврале 1920 г. Министерство обороны отмечало, что уклонение «...вызывает беспокойство у других военнослужащих и вносит дезорганизацию в структу-

ру армии...»⁴⁶, однако министерство не отметило особую склонность к уклонению или дезертирству у евреев.

Есть основания сделать вывод, что упреки евреев в спекуляции и нежелании служить в армии были сильно преувеличены.

Иначе было со знанием латышского языка; действительно, большое число евреев, особенно в Латгалии, латышского языка не знали. В этом не было ничего удивительного, учитывая длительное пребывание Латвии в составе России, замкнутый образ жизни многих евреев и их ориентацию на господствовавшие немецкий или русский языки. После Первой мировой войны значительное число евреев из Латгалии перебрались в Ригу, еще больше приумножив там число евреев, не говорящих по-латышски. Однако требование моментального овладения латышским языком уже в 1920 г. было преждевременным и никак не могло оправдывать физических нападений на людей (излишне говорить, что этот «аргумент» совершенно не действовал во время беспорядков 6—7 июня в Резекне и Даугавпилсе, где нападавшими были главным образом русские; другое дело, что многие евреи, опять — особенно в Латгалии, не овладеют латышским языком даже через десять лет, закрепив взаимное отчуждение: в 1930 г. в Даугавпилсе латышским языком владели все еще только 18 % евреев).

Единственным, кто в июне 1920 г. не искал никакой вины евреев и причины беспорядков видел в другом, был уже упомянутый рижский городской голова Андрей Фриденберг: он подчеркивал, что вместо лозунга политической нации и «Латвия — государство народа Латвии» уже стал появляться агрессивный лозунг «Латвия для латышей» с привкусом радикального антисемитизма⁴⁷. Представляется, что первым этот лозунг выдвинул Эрнест Бланкс. Оба они, Бланкс и Фриденберг, были пламенными латышскими патриотами, роль обоих в истории Латвии — Бланкса как известного публициста в газете *“Dzimtenes Atbalsis”* («Отзвук родины»), а Фриденберга как активного деятеля культуры, активиста Латышского центрального комитета по оказанию помощи беженцам и одного из первых латышских дипломатов — была велика. Однако если патриотизм Фриденберга всегда оставался в рамках благородной толерантности в духе 18 ноября 1818 г., то патриотизм Бланкса уже в 1920 г. приобрел шовинистический оттенок. 4 июня он писал, что евреи уже захватили Латвийское государство и «...изгоняют всех латышских торговцев и предпринимателей из их старых магазинов...» Подобный социальный антисемитизм в Латвии не был чем-то новым, однако Бланкс сделал еще один шаг: заклеил евреев как внутренних врагов Латвии — разрушителей, с которыми невозможна никакая совместная деятельность: «...мы создаем страну, а вы ее разрушаете... Вы сидите у нас на плечах, а мы несем...»⁴⁸ Бланкс не был одинок; спустя несколько дней в официальной газете латвийской армии некий К. Круминьш продолжил: «...от борьбы с евреями культурными приемами мы все же не отказываемся и никогда не откажемся. Эта борьба развернется в полный бойкот еврейских капиталов, товаров, домов и т.д. и т.п. Пусть двери еврейских магазинов останутся неоткрытыми...»; автор призывал не допускать евреев к торговле льном, кожей и древесиной⁴⁹. В большой мере это стало идейным началом шовинистического и расистского Латышского национального клуба за два года до его организационного рождения.

Очень важно отметить, что антисемитизм, ясно показавшись в 1920 г., в последующие годы распространялся, охватывая или встречаясь почти во всех изданиях латышской прессы, включая ведущие государственные газеты. Его распространенность — в различных разновидностях и с разной интенсивностью — всегда будет

шире, чем деятельность и роль тех организаций, которые сосредоточивались только или почти только на радикальном и расистском антисемитизме и были болезненно одержимы «еврейским вопросом» полностью.

Летом 1920 г. евреи начали активную деятельность в пользу полного и правового оформления автономии национального меньшинств. 19 июня в Учредительном собрании еврейский депутат от сионистской партии *«Цеирей-Цион» Я. Гельман⁵⁰ предложил включить в готовящуюся латвийскую конституцию специальный раздел: «Особые права национальных меньшинств»⁵¹. Предполагалось, что этот раздел будет аналогичным тому, который уже был в конституции Эстонии, и чтобы он предусматривал не национально-культурную автономию, а такую автономию, которая практически только начала складываться в Эстонии: национальные меньшинства избирали бы свои публично-правовые институты (свой «парламент»), свое «правительство»), которые бы полностью ведали образованием, культурой и другими сферами жизни национальных меньшинств. Если в Эстонии пройдет пять лет, прежде чем в 1925—1926 гг. евреи и прибалтийские немцы создадут свои публично-правовые институты, то в Латвии тоже пройдет пять лет и национальные меньшинства будут вынуждены признать свою неспособность добиться осуществления эстонской модели в латвийских условиях. В то же самое время, уже с 1920 г., стремительно и беспрепятственно развивалась сеть самых разных и многообразных политических, культурных и религиозных учреждений национальных меньшинств, фактически обеспечивая культурную автономию, хотя и без права на публично-правовой институт⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ульманис Карл (1877—1942) — латвийский общественный и политический деятель, глава первого правительства независимой Латвийской Республики (с 1918 г.); после совершенного под его руководством латышскими национально-консервативными силами государственного переворота в 1934—1940 гг. возглавлял установленный им в Латвии этнократический авторитарный режим. — *Ред.*

² 18 ноября 1918 г. — день провозглашения Латвийской Республики. — *Ред.*

³ Приедкалн Андрей (1873—1923) — участник революционного движения, общественный и политический деятель (социал-демократ), по профессии врач; в 1917 г. — назначенный Временным правительством комиссар Лифляндской губернии. — *Ред.*

⁴ Ниедра Андриевс (1871—1942) — писатель, политический деятель; в апреле—июне 1919 г. — глава созданного при помощи германских интервентов марионеточного правительства Латвии; в 1924 г. выслан из Латвии. — *Ред.*

⁵ Воспоминания д-ра Ф. Мендера о совещании 17 ноября 1918 г. (Латвийский государственный исторический архив, далее — ЛГИА), ф. 3949, оп. 1, д. 7, л. 6.

⁶ Стучка Петр Иванович (1865—1932) — участник революционного движения, деятель партии большевиков и Советского государства, ученый-правовед. В 1918—1920 гг. возглавлял правительство Советской Латвии. — *Ред.*

⁷ ЛГИА, ф. 3949, оп. 1, д. 7, л. 7—8.

⁸ Народный совет Латвии — предпарламент Латвийской Республики (1918—1920 гг.), действовавший до созыва Учредительного собрания. Был образован на основе соглашения от 17 ноября 1918 г. представителями Латышского временного национального совета, действовавшего в Петрограде, и Демократического блока, действовавшего в оккупированной Германией Риге (позднее к ним добавились представители национальных меньшинств), и представлял все политические партии Латвии, кроме большевиков и настроенных прогермански. — *Ред.*

⁹ Latvijas Tautas Padome. R., 1920. 18. lpp.; *Kalneciema A. Nacionālo minoritāšu kultūras autonomijas parlamentārais risinājums Latvijas Republikā // Latv. Vēst. Inst. Žurn.* 1992. Nr. 3. 118. lpp.

- ¹⁰ *Dribins L.* Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā: Vēst. apsk. R., 2001. 82. lpp.
- ¹¹ *Goldmanis J.* Minority deputies in the Saeima (parliament) of the Republic of Latvia (1922—1934) // *Humanities a. soc. sci.: Latvia.* 1994. N 2/3. P. 47.
- ¹² См. прим. 24 на с. 210.
- ¹³ *Levin D.* Baltic Jews under the Soviets. Jerusalem, 1994. P. 380.
- ¹⁴ ЛГИА, ф. 3234, оп. 18, д. 95, л. 5.
- ¹⁵ Бермондтовщина — авантюра П. Р. Бермондта (см. прим. 11 на с. 107). — *Ред.*
- ¹⁶ См. прим. 33 на с. 135.
- ¹⁷ Курземе — историко-культурная область на западе Латвии, в составе Российской империи — Курляндская губерния. — *Ред.*
- ¹⁸ Видземе — историко-культурная область в северной и центральной части Латвии, в составе Российской империи — южная часть Лифляндской губернии. — *Ред.*
- ¹⁹ Минц Пауль (Павел Михайлович) (1868—1941) — адвокат, ученый-правовед, общественный и государственный деятель Латвии. Родился в Динабурге Витебской губернии (ныне Даугавпилс в Латвии). Основатель и бессменный руководитель отделения *ОПЕ в Риге. В 1919—1921 гг. — государственный контролер в правительстве Латвийской Республики, член Народного совета (см. прим. 8) и Учредительного собрания Латвии (см. прим. 31); один из авторов Конституции Латвии и председатель комиссии по разработке Уголовного кодекса, автор ряда других правовых документов. В 20—30-е гг. — профессор уголовного права Латвийского университета, председатель коллегии еврейских адвокатов Латвии, председатель Еврейской национально-демократической партии, председатель комиссии по подготовке проекта еврейской национальной автономии, член *Еврейского агентства. В 1940 г. арестован советскими репрессивными органами, депортирован в город Канск Красноярского края и заключен в лагерь, где погиб. — *Ред.*
- ²⁰ См. прим. 5 на с. 107.
- ²¹ Сегодня. 1920. 10 янв.
- ²² ЛГИА, ф. 5486, оп. 1, д. 723. л. 4.
- ²³ Там же, ф. 1307, оп. 1, д. 650, л. 116.
- ²⁴ *Michelson F.* I survived Rumbuli. N. Y., 1979. P. 31. (Русское издание этих воспоминаний (*Михельсон Ф.* Я пережила Румбулу. [Б. м.], 1973) приведенный автором эпизод не содержит. — *Ред.*). О Ф. Михельсон см. в газ. «*Маарив*» («Вечерняя», Иерусалим) (1979. 9 февр. Ивр.)
- ²⁵ *Bērziņš V.* Latgales atbrīvošana 1920. gada janvārī // *Latv. Vēst. Inst. Žurn.* 2000. Nr. 4. 122. 1pp.
- ²⁶ См. прим. 2 на с. 7.
- ²⁷ ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/2, д. 895, л. 60—68.
- ²⁸ См. прим. 1 на с. 133.
- ²⁹ См. прим. 6 на с. 107.
- ³⁰ Нельзя молчать // Сегодня. 1920. 29 янв.
- ³¹ Учредительное собрание (*Satversmes sapulce*) — парламентское учреждение в Латвийской Республике, избранное 17—18 апреля 1920 г. с целью заменить Народный совет (предпарламент) и разработать Конституцию ЛР. Заседало с 1 мая 1920 по 7 ноября 1922 г. — *Ред.*
- ³² *Kirby D.* The Baltic world, 1772—1993: Europe's northern periphery in an age of change. L.; N. Y. 1995. P. 290; *Levin D.* Some basic facts on Latvian Jewry — before, during and after World War II // *The issues of the Holocaust research in Latvia.* Riga, 2001 P. 134.
- ³³ *Sociāldemokrāts.* 1920. 4. jūn.; *Jaun. Ziņas.* 1920. 3. jūn.
- ³⁴ Сегодня. 1920. 4 июня.
- ³⁵ *Paskaidrojums* // *Latv. Kareivis.* 1920. 3. jūn.
- ³⁶ Дальше, чем историки, в определении этого понятия продвинулись языковеды. В новом авторитетном русском универсальном лексикографическом источнике погром определен как «шовинистическое выступление против какой-либо национальной или социальной группы, сопровождающееся разграблением имущества и убийствами» (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 857). — *Ред.*
- ³⁷ Сегодня. 1920. 4 июня. Историк Р. Трейс характеризует инциденты 1920 г. как погромы, хотя подробно не объясняет мотивацию такой характеристики (*Treijs R.* Vai Latvijas valstī bija antisemitisms // *Lauku Avīze.* 1999. 1. jūl.). Действительно, ясно сказать, что является и что не является погромом, трудно. В

энциклопедическом издании погромом названы любые нападения на евреев с целью убить и ограбить их, уничтожить имущество (Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1992. Т. 6. Стб. 562). В других трудах можно найти намного более узкое определение погрома: погром — то же, что *Шоа* (на иврите буквально означает «бедствие», «несчастье») и используется для обозначения Катастрофы европейского еврейства), что в Европе и США больше известно как *Холокост; или погром — это частичное уничтожение евреев (см.: *Faye J.-P., Vilaine A.-M. de. La déraison antisémite et son langage.* P., 1993. P. 132). Такое объяснение, в свою очередь, можно оценить как слишком узкое и строгое; следует усомниться в том, можно ли погромы в России в 1880-е гг., после которых это слово получило международное распространение, сравнивать с тотальной Катастрофой, вызванной целенаправленной политической нацистской Германией.

³⁸ Valdības Vēstn. 1920. 11. jūn.; Sociāldemokrāts. 1920. 12. jūn.

³⁹ Valdības paziņojums // Valdības Vēstn. 1920. 12. jūn.

⁴⁰ ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/2, д. 895, л. 105—106.

⁴¹ *Волкович Б.* Еврейские организации в Даугавпилсе. Даугавпилс, 1998. С. 8.

⁴² *Grīns J.* Par pēdējo dienu ielas notikumiem // Latv. Kareivis. 1920. 5. jūn.

⁴³ Provokācija vai huligānisms // Sociāldemokrāts. 1920. 5. jūn.

⁴⁴ *Zivs V.* Monopoli mūsu tautas saimniecībā // Ekonomists. 1925. Nr. 24. 1183. lpp.

⁴⁵ *Шац-Анин М.* Евреи в Латвии // Макс Шац-Анин: Жизнь. Наследие. Судьба: Материалы науч. конф., Рига, 20 июня 1997 г. Рига, 1998. С. 107—108.

⁴⁶ ЛГИА, ф. 1486, оп. 1, д. 133, л. 203.

⁴⁷ *Frīdenbergs A.* Politiska nācija un nacionālisti // Jaun. Ziņas. 1920. 5. jūn.

⁴⁸ *Blanks E.* Stingra politika // Latv. Sargs. 1920. 4. jūn.

⁴⁹ *Krūmiņš K.* Vēlreiz par notikumiem 1. un 2. jūniā // Latv. Kareivis. 1920. 10. jūn.

⁵⁰ Гельман Яков (1880—1950) родился в Тальсене Курляндской губернии (ныне Талси в Латвия), получил религиозное образование, но от религиозной деятельности впоследствии отошел; с 1897 г. изучал философию в Германии, живя там в большой нужде, в 1910 г. получил степень доктора философии в Берне; в разное время примыкал к различным политическим течениям — еврейским и нееврейским; с 1912 г. жил в Риге, куда вновь вернулся после Первой мировой войны, в 20-е гг. был одним из активных деятелей партии «Цейрей-Цион» европейского масштаба; с 1927 г. — один из издателей крупнейшей еврейской газеты Латвии «Фриморгн» («Утренняя»); после государственного переворота в Латвии в 1934 г. (см. прим. 1) эмигрировал, умер в Буэнос-Айресе. — *Ред.*

⁵¹ *Goldmanis J.* Minoritāšu kultūras autonomijas jautājumi Latvijas Republikas Satversmes Sapulcē un 1.—4. Saeimā (1920.—1934.) // Integrācija un etnopolitika. R., 2000. 494. lpp.

⁵² Очень стремительно развивалась сеть еврейских учебных заведений. Подробнее см.: *Якуб З.* Просвещение евреев Даугавпилса // Евреи в Даугавпилсе. Даугавпилс, 1995. Кн. 2. С. 16—140. (В статье содержатся обширные сведения об образовании евреев не только в Даугавпилсе, но и во всей Латвии.) О сети организаций, обеспечивавших культурную автономию национальных меньшинств, см.: *Dribins L.* Etnisko minoritāšu līdzdalība sabiedrības integrācijā // Integrācija un etnopolitika. 435. lpp.